

УДК 11

А. А. Ивакин
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Национального университета «Одесская юридическая академия»

ПОЗНАВАЕМОСТЬ И ПОЗНАНИЕ МИРА КАК ВЫСШЕЕ БЛАГО

Постановка вопроса. Начиная свою статью, я хочу сказать, что она является своеобразным приглашением прочитавших её познакомиться с содержанием опубликованных мною за десять последних лет книг, в которых более последовательно и развернуто, нежели в моих статьях, рассказывается о важнейших проблемах онтологии и гносеологии [4; 5; 6].

Данная статья акцентирована на одной, но очень важной теме, которая обозначена Платоном в его диалоге «Государство», где он даёт краткое, но очень ёмкое по своему содержанию определение высшей (верховой), по его убеждению, идеи – идеи блага: «<...> То, что придаёт познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины» [8, с. 316].

Как видим, согласно Платону, самым высшим на свете благом является существование процесса познания, причем здесь речь идет как об объекте познания, так и о его субъекте. Особенно ярко, на мой взгляд, данная диалектическая двойственность познания проявляется в переводе этого платоновского определения идеи блага Мартином Хайдеггером: «И то, что предоставляет непотаенность познаваемому, но также и познающему предоставляет способность (познавать), есть, говори, идея добра». В данном варианте перевода речь идет не только о человеке как познающем существе, но о познающем субъекте как таковом. И вполне естественно, что Платон как философ-идеалист не мог думать о сознании, мышлении исключительно только как о способности человека. Достаточно вспомнить то, что Космос у Платона обладает душой.

Вот что пишет об этом непревзойденный знаток античной философии А. Лосев: «Углубляясь еще дальше в идеалистическую философию Платона, мы находим и другие, на первый взгляд удивительные черты, отличающие ее от идеализма Гегеля. У Платона не идеи образуют собой наивысшую действительность, но Единое, которое есть не что иное, как тождество всего идеального и материального, как тот первопринцип, из которого только путем его разделения возникает идеальное и материальное <...> Платон ввел ограничения для своего идеального мира не только сверху, в виде Единого, но и снизу, в виде Мировой Души. Если идеальный мир вечно неподвижен, а материальный вечно движется, то такое противопоставление возможно для Платона лишь потому, что существует начало одновременно и неподвижное и в то же время вечно движущее. Это и есть Душа Космоса и Душа всего, что в него входит; она и есть то идеальное, которое одновременно дает способность двигаться и жить всему живому и неживому» [7, с. 57].

Таким образом, мир, в понимании Платона, является насыщенным сознанием. Мир Платона обладает и познаваемостью, и познанием. Причем эти свойства мира диалектически тождественны: с одной стороны, познание невозможно без того, чтобы познаваемое было устроено так, что оно способно раскрывать познающему глубинную истину своего бытия, а с другой стороны – без того, чтобы познающий обладал способностью искать и открывать в познаваемом его истинность.

Однако если для человека такое свойство мира является, несомненно, высшим благом, то является ли оно таковым и для самого познаваемого им мира, для «Единого»?

Можно ли такое свойство мира считать органически присущим ему самопознанием, а значит и самосознанием? Можно ли в связи с этим предположить, что сознание имеет настолько универсальный, атрибутивный по отношению

к Бытию, характер, что знаменитое Декартово изречение «Мыслю – следовательно существую» говорит не только о существовании мыслящего человека, но и о существовании мыслящей Вселенной, что позволяет нам сделать фундаментальное предположение о том, что Бытие потому и существует, что мыслит?

Эти вопросы о соотношении сознания и бытия с самого момента возникновения философии стояли в центре ее внимания.

Так, духовный ученик Декарта Бенедикт Спиноза считал не только сознание, но его высшую форму – мышление именно атрибутом, то есть неотъемлемым свойством субстанции, того всеобъемлющего и самодостаточного (causasui) Бытия, которое он называл Природой, или Богом. Несомненно, что Б. Спиноза основывался на онтологии Платона, по-своему творчески преобразуя её. Вот как, например, он трактовал соотношение, которое у Платона определялось как соотношение идей всех отдельных вещей и Идеи всех идей (Идеи Блага): «<...> Истина и формальная сущность вещей такова потому, что она такую существует объективно в разуме Бога. Таким образом, ум Бога, поскольку он понимается составляющим сущность его, на самом деле есть причина вещей как по отношению к их существованию, так и по отношению к их сущности» [9, с. 379–380].

Таким образом, согласно Б. Спинозе, единственно абсолютным субъектом мышления является Природа, равнозначная Богу. Мышление же человека Б. Спиноза считал всего лишь модусом (некоторым необязательным проявлением) мышления субстанции.

Другим гениальным продолжателем Платона был Г. Гегель. Его «Абсолютная Идея» есть не что иное, как результат переосмысления и конкретизации им платоновской Идеи Блага. В заключительной главе своей «Науки логики» он отмечает, что Абсолютная Идея есть «тождество теоретической и практической идей», снимая, на мой взгляд, тем самым вопрос о первичности либо идеального либо материального как ложно поставленный. И дальше Г. Гегель суммирует: «<...> Единственно лишь абсолютная идея есть бытие, непреходящая жизнь, знающая себя истина и вся истина» [2, с. 288].

Дело, разумеется, не в одном лишь подборе тех или иных цитат. Это всего лишь начало разговора на избранную нами тему. Далее нам потребуется вдумчивый анализ и синтез принципиально важных для нас мировоззренческих и методологических выводов Платона, Аристотеля, Б. Спинозы, Г. Гегеля и других гениальных философов. И для этого необходимо, во-первых, чтобы такой анализ-синтез имел определенную последовательность, диктуемую темой нашей статьи. И, во-вторых, необходимо смотреть на тот или иной интересующий нас вопрос сквозь призму тех ответов на него, которые были уже предложены нам выдающимися философами.

Однако поскольку познание соотношения бытия и мышления является важнейшим «благом» среди других предметов нашего познания, нам необходимо более подробно поговорить о требованиях к теоретическому философствованию.

Несколько слов о методе философского познания. Говоря о великих и великом в философии, Мартин Хайдеггер замечает, что успешный ход развития философского знания зависит от способности исследователя найти самое важное в предыдущих выдающихся философских работах и затем своеобразно и творчески преобразовать этот интеллектуальный материал [11, с. 17]. Однако в чем гарантия того, что мы случайно или умышленно не отклонимся от главного

направления истории развития философии, которым, безусловно, является построение глубокого, теоретического мышления, настолько универсального, чтобы оно могло быть философской основой методологии и для всех наук и для любого вида человеческой практики.

Х.-Г. Гадамер такую гарантию усматривает в отказе от ничем не мотивированного, произвольного прибавления личного мнения к тому, что уже было сказано предшественником. Для того чтобы прибавление имело обоснованный и творческий характер, необходимо соблюдение двух взаимосвязанных требований: во-первых, следует хорошо понять суть вопроса, ответ на который дает предшественник, и затем, во-вторых, дать свой вариант ответа с обоснованной уверенностью в том, что этот ответ лучше предшествующих тем, что он их не огульно отрицает, а дополняет и конкретизирует.

Данные методологические советы двух выдающихся философов-герменевтов фактически проповедают цель все более и более объективного отражения философией реального смысла и логики бытия. К сказанному можно было бы применить известное парадоксальное изречение «Все новое – это хорошо забытое старое», но только применить его в следующей редакции: «Всё новое – это забытое, но возродившее и усовершенствованное, конкретизированное старое».

К сказанному мне хотелось бы добавить, что я не считаю герменевтику, феноменологию и диалектику тремя разными методами. Исходный принцип философии «Всё есть одно» относится не только к идее вещи, но и к идее мысли. Поэтому я полагаю, что между названными методами существует не соотношение координации, а соотношение субординации: диалектический метод включает в себя и герменевтику, и феноменологию как свои важнейшие составляющие.

Что важнее всего для герменевтики? Адекватное *понимание* предмета. Какого предмета? Мира, в котором мы живем. И это не только «мир человека», в том смысле, в каком его нам преподносит поздний Э. Гуссерль, а также и мир *вне* человека. При этом надо понимать, что на самом-то деле никакого буквально понимаемого «вне» для человека не существует, ибо он есть микрокосмос в составе макрокосмоса. И главная черта этого мира-космоса состоит в том, что он *диалектичен*.

Очень противоречивым выглядит М. Хайдеггер, пренебрежительно говорящий о диалектике и в то же самое время, в процессе своего исследования, своего *понимания* Гераклитова Логоса Бытия обнаруживающий объективно присущую этому Логосу диалектику. Для меня совершенно очевидно, что это происходит потому, что диалектику он понимает только как субъективную диалектику, но и в этом случае последняя понимается им неадекватно, как некий вспомогательный или даже как искусственный метод, а не как отражение объективной диалектики [12, с. 161–162; 179–165].

Что же касается феноменологического метода, то я думаю, что три его основных компонента – редукция, конструкция и деструкция суть содержательно взаимосвязанные моменты детализации внутренней структуры универсального диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Более подробно о требованиях к общетеоретическому познанию можно прочитать в моей книге «Диалектическая философия», написанной на основе идей четырехтомной монографии «Диалектическая логика», созданной (под руководством академика Ж. Абдильдина) [3] большим творческим коллективом, честь участия в интеллектуальном труде которого была оказана и мне.

Мне кажется, что важно понимать еще следующее. Сказанное в этом разделе позволяет думать, что, в идеале, когда автор того или иного изречения, в данном случае – автор данной статьи, говорит: «я полагаю», «я считаю», «я думаю» или даже – «я уверен», что дело обстоит так-то и так-то, он обязан предварительно постараться внимательно посмотреть на решаемую проблему множеством «глаз»

известных и интересных ему философов и ученых. Так что «я» настоящего философа всегда коллективно и эстафетно. Это не «яканье» софиста, полагающего, что это он лично, неповторимый индивид, является мерой всех вещей.

Продолжим, однако, коллективным творческим оком рассматривать в свете сегодняшнего дня и в свете избранной нами темы драгоценные плоды гениальных озарений Гераклита, Платона, Г. Гегеля и ряда других мыслителей.

В чем состоит предоставление непотаенности познаемому? Итак, Идея Блага у Платона – это высшая идея вообще среди всех других идей и, в связи с этим, – идея высшего блага среди всех других благ. И в то же время Г. Гегель, имея высшую идею – абсолютной, определяет её как подлинное, то есть истинное бытие, для которого характерно не просто равнодушное, бессмысленное существование, но существование живое и мыслящее, теоретическое и практическое. Что же делает эта высшая (абсолютная) идея с вещами, чтобы они были познаваемы? Каким образом она делает все вещи истинными, или как говорит М. Хайдеггер, «предоставляет непотаенность познаемому»?

Ответ на поставленный выше вопрос начнем формировать с раскрытия самого общего содержания категории «идея». Для Платона важна в первую очередь онтологическая характеристика идеи. Для него она прежде всего *идея вещи*, то есть нечто объективно существующее. Фактически, она есть не что иное, как *сущность* вещи, без тесной причастности к которой вещь не может являться тем, чем ей должно быть. Лошадь должна воплощать собою некую «лошадность», чаша – «чашность», ну а человек, наверное, – «человечность».

Идея – это идеальный эталон, сообразно которому причастная ему вещь является воплощением, то есть материализацией данной идеи. Воплощение имеет разную степень своей осуществленности: от минимальной, что является неразвитостью или даже уродством вещи, и до максимальной, соответствующей тому, чем наименовал её Аристотель – *энтелехией* (ἐντελέχεια; *entelecheia* – завершенность, осуществленность). Возможность превращается в высшую степень действительности. Причину такого превращения Аристотель назвал *энергией* (ἐνέργεια; *energeia* – действие, сила, мощь). Если впоследствии данным термином широко пользовался, скажем, П. Тейяр де Шарден, то Г. Гегель предпочел заменить его понятием «Дух».

Конечно, назвать – это ещё не значит объяснить, однако для начала уже важно хотя бы чисто эмпирически обозначить наличие некоей безусловной причины превращения сущего в должное. Ведь именно возможность возникновения и существования вещей, в полной мере соответствующих своей сущности, и является одновременно возможностью истинного познания этих вещей. Недаром Г. Гегель, имея идею единством субъективного и объективного, тем самым трактует её уже и онтологически, и гносеологически.

Называя Сократа «воплощенной философией», а А. Пушкина или И. Гёте – величайшими вершинами поэзии, мы как бы говорим себе и другим: вот каким должен быть истинный философ, вот каким должен быть истинный поэт. И поэтому мы можем сказать, что чувства наши, соединенные с умозрением, с нашей способностью продуктивного воображения, становятся, если воспользоваться выражением К. Маркса, «чувствами-теоретиками»: они помогают нам «увидеть» невидимое, а именно – воплощенную идею, сущность вещи.

Из сказанного следует, что «придавать познаваемым вещам истинность» – это делать их соответствующими, причем довольно зримо, их идее, если понимать её онтологически, то есть как сущность любой вещи. Сразу оговорюсь, что «зримость» эта – удел только того, кто способен к умозрению, кто знает и ценит те или иные идеально воплощенные, достигшие состояния энтелехии «вещи».

Теперь, поняв, что такое «истинные вещи», нам остается попробовать понять, что именно делает эти вещи истинными. И конечно же, нам нужна не констатация того, что это делает «Идея Блага» или же «Абсолютная Идея», а

объяснение, доказательство того, что именно познаваемость и познание являются самым великим благом и для мира и для человека.

Поиски тождества в разнообразных картинах мира.

В поисках ответа на вопрос, что же такое аристотелевская «энергия», откуда она взялась и кто ею управляет, нам придется найти конкретную всеобщность между метаморфозами гераклитовского «огня», восхождением гегелевского «духа» к своему абсолютному состоянию, вездесущей ницшеанской «волей к власти», которая созидает вечный «возврат того же самого», и направленной эволюцией двух форм энергии (тангенциальной и радиальной) у Тейяра де Шардена. Во всем этом, на первый взгляд, столь непохожем друг на друга, проглядывает одно и то же: вечный круговорот веществ и смыслов и непонятной в своей божественной мощи, двойственной (созидающей и разрушающей) энергии. Это тот самый круговорот, который Г. Гегель называет «Кругом кругов» [2, с. 308–309], имея в виду направленное «кружение» наук, но за которым просматривается вполне реальная и закономерная эволюция предметов этих наук.

Хочу подчеркнуть, что, всегда имея в виду совокупность упомянутых выше, разных по своей цельности и целостности картин мира, мы обязаны, однако, постоянно погружаться к их первоисточнику – картине мира Гераклита, вырисовывающейся, невзирая на то, что составлять ее, наподобие сложнейшего и одновременно гениальнейшего в своей логичности и простоте «пазла», приходится, имея на руках всего лишь 126 пронумерованных фрагментов сочинения Гераклита. И, может быть, как это ни странно звучит, этот прискорбный факт несет в себе некий позитив: решая эту разрозненную головоломку, мы обязаны (иначе – никак! – А. И.) проявить и творчество, и сообразительность в стремлении найти внутреннюю гармонию и мира и картины этого мира, нарисованной тем мыслителем, который ближе всех философов находился к логике (Логосу) бытия, слушая и изрекая людям вечную мудрость этой логики. И эта мудрость, как он с уверенностью говорил, заключается только в одном: «Мудрость заключается только в одном: признать разум как то, что управляет всем при помощи всего» (фрагмент 41)

Тут же сразу становится более понятным и смысл другого знаменитого изречения Гераклита: «Многознание уму не научает» (фрагмент 40). Становится понятно именно то, что всё множество знаний обесценивается, если их не считать производными от названного выше главенствующего знания – признать разум как то, что управляет всем при помощи всего.

Итак, мы видим, что главная мудрость, во-первых, состоит в том, что миром правит Разум. Предполагаю, что этот вывод Гераклит сделал независимо от Анаксагора, так как был старше его на два десятилетия. Во-вторых, мудрость эта заключается в том, что правление разума осуществляется не с помощью чудес, а вполне естественным путем, через законы природы и, кстати, также и через деятельность (в том числе и – законотворческую – А. И.) человека, поскольку он ведь тоже входит в состав того самого «всего», посредством чего Разум правит миром. Однако, как я понимаю, все это не означает, что законы природы (фюзис) и законы человека (номос) действуют сами по себе, а Разум лишь пассивно взирает на их действие. Я думаю, что, кроме создания законов природы, Разум создал также и законы содержательной логики Бытия, то есть Логос, определяющий последовательность и целенаправленность эволюционных событий.

Я удивляюсь, как можно думать, что Гераклит мог понимать этапы этого целенаправленного, руководимого Разумом процесса преобразования *буквально*, то есть как бессмысленное цикличное угасание – превращение материального огня в другие материальные стихии (воздух, воду, землю), а затем снова его возгорание. Мерами возгорания и мерами затухания! Здесь ключевое слово «мерами». При чем мерой здесь является, конечно, не человек, а Логос. Значит и смысл в таких превращениях не человеческий, а космический. Недаром М. Хайдеггер сопоставляет кар-

тину мира Гераклита и недооформленную автором картину Фридриха Ницше [10, с. 37]. В картине Гераклита иносказательно рисуется важность того, что Ф. Ницше именовал «вечным возвращением того же самого». А Ф. Ницшеву «Волю к власти» мы можем сопоставить с волей Логоса и обобщить сказанное следующим образом: и у Гегеля, и у Ф. Ницше это – воля Логоса, внедряемая им по замыслу (по Абсолютной Идее, если применить уже термин Г. Гегеля) Разума в каждую частицу бытия.

И здесь речь идет о некоем должном устойчивом состоянии космоса, обеспечиваемом вечным движением становления всего сущего. Абсолютной идее гармоничного космоса становится возрастание жизненности и затем – мышления. Вспомним, что Г. Гегель говорил о живости и уме Абсолютной Идеи. То есть выходит, что энтелией бытия является абсолютная Мысль, высшее, абсолютное состояние Духа. Вот к чему приводит эволюционное воплощение исходной идеи космоса.

Анри Бергсон внес в понимание эволюции природы очень важный «штрих». Он обратил внимание философов на тождественность двух процессов эволюции: природы и человеческого знания о ней. Особенно четко это можно проследить на философском мышлении. Так, например, исходное, абстрактное еще состояние мысли Анаксимандра, Парменида, более яркое и полное – Гераклита, *по идее* должно превратиться, как думал, например, Г. Гегель в его, Г. Гегеля мышление. Онтологический Дух строит это восхождение от неживой природы – к живой и мыслящей. Многие классические философы считали, что они открыли абсолютную Истину. Но всякий раз оказывается, что нам следует еще мыслить и мыслить, чтобы немного приблизиться к отражению реальной логики Бытия и хорошо бы при этом – опережая реально происходящие на нашей Земле события, а не уподобляясь сове Минервы, этому символу мышления «задним числом».

Отнюдь не считая, что я абсолютно истинно обобщил идеи выдающихся философов, хочу, однако, в заключении статьи предложить читателю содержательно-логическую картину мира, как я её понимаю и, надеюсь, передаю по эстафете на «доработку» следующим за мной философам.

Итак, Мир наш существует потому, что он руководим Разумом, но руководим посредством Логоса (логики бытия), пронизывающего и организующего все «этажи» мироздания. Программа эволюционного восхождения всего сущего в этом мире состоит в том, чтобы наделять каждую вещь источником ее развития: противоречивым отношением её идеи и её материи. В процессе воплощения (формирования) идеи любой вещи и функционирования вещи среди других вещей происходит *отбор* наиболее жизнестойких вещей, то есть тех, которые имеют наиболее удачное воплощение своей идеи (сущности). В результате такой соревновательности (проявления «воли к власти» по Ф. Ницше – А. И.) происходит направленное (канализируемое Логосом) развитие, формирующее из неживого – живое и мыслящее и, таким образом, из низшего уровня способности отражения (рефлексирования) – высшее, то есть сознание (Дух), идея которого также имеет тенденцию развиваться до абсолютного максимума (Абсолютная Идея, Абсолютный Дух). Таким образом осуществляется постоянное производство и воспроизводство сущностного свойства Космоса – явной и скрытой гармонии.

Что же касается человека, то он как микрокосмос в качестве своей глубинной сущности имеет цель создания и совершенствования гармонии своих отношений с окружающим его природным и общественным миром.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М. : Терра – Книжный клуб ; Канон-пресс-Ц, 2001.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики : в 3-х т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1970–1972. – Т. 3. – 1972.
3. Диалектическая логика : в 4-х т. – Алма-Ата : Наука, 1985–1987.

4. Ивакин А. Диалектическая философия : [монография] / А. Ивакин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Одесса : Феникс ; Суми : Университетская книга ; М. : ТрансЛит, 2007.
5. Ивакин А. Единство Бога, человека и ноосферы : философское эссе / А. Ивакин. – Одесса : Феникс, 2012.
6. Ивакин А. Повесть о Бытии: мыслящем и мыслимом : [монография] / А. Ивакин. – Одесса : Феникс, 2016.
7. Лосев А. Жизненный и творческий путь Платона / А. Лосев // Платон. Сочинения : в 3-х т. – М. : Мысль. – 1968–1972. – Т. 1. – 1968. – С. 5–80.
8. Платон. Государство : сочинения в 3-х т. / Платон. – М. : Мысль. – 1968–1972. – Т. 3. – Ч. 1. – 1971. – С. 89–454.
9. Спиноза Б. Этика. Теорема 17 / Б. Спиноза // Бенедикт Спиноза. Избранные произведения. – Т. 1. – М. : Госиздат, 1957.
10. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник статей. – М. : Высшая школа, 1991. – С. 28–68.
11. Хайдеггер М. Ницше : в 2-х т. / М. Хайдеггер. – СПб. : Владимир Даль, 2006–2007. – Т. 1. – 2006.
12. Хайдеггер М. Гераклит / М. Хайдеггер. – СПб. : Владимир Даль. – 2011.

Аннотация

Ивакин А. А. Познаваемость и познание мира как высшее благо. – Статья.

Статья посвящена доказательству правоты Платона, считавшего, что высшим благом является Идея Блага, обладающая способностью придавать вещам истинность и тем самым делать их познаваемыми, а также обладающая способностью наделять познающего субъекта возможностью познавать истину познаваемых им объектов. Автор статьи стремится доказать, что идея блага (абсолютная идея в терминологии Г. Гегеля) – это логическая соревновательная программа развития Космоса, нацеленная на эволюционное направленное развитие природных вещей от неживых к живым и далее –

к мыслящим, что способствует постоянному созиданию и восстановлению гармонии бытия.

Ключевые слова: идея, благо, познание, познаваемость, логос, космос, гармония, бытие.

Анотація

Ивакин О. А. Пізнаваність і пізнання світу як вище благо. – Стаття.

Стаття присвячена доказу правоти Платона, який вважав, що вищим благом є Ідея Блага, яка має здатність надавати речам істинність і тим самим робити їх пізнаваними та до того ж має здатність наділяти суб'єкта, що пізнає, можливістю пізнавати істину пізнаваних об'єктів. Автор статті прагне довести, що ідея блага (абсолютна ідея в термінології Г. Гегеля) – це логічна змагальна програма розвитку (Логос) Космосу, яка націлена на еволюційне спрямований розвиток природних речей від неживих до живих і далі – до мислячих, що сприяє постійному творенню та відновленню гармонії буття.

Ключові слова: ідея, благо, пізнання, пізнаваність, логос, космос, гармонія, буття.

Summary

Ivakin A. A. Cognition and knowledge of the world as the highest good. – Article.

The article is devoted to the proof of Plato's rightness, who believed that the highest good is the Idea of Good, which has the ability to give truths to things and thereby making them knowable, and also possesses the ability to impact on the cognizing the truth of cognizable objects by cognizing subject. The author of the article strives to prove that the Idea of the Good (the absolute idea in Hegel's terminology) is a logical adversarial development system (Logos) of the Cosmos aimed at the evolutionary directed development of natural things from the inanimate to the living ones and then to the thinking things, which contributes to the constant creation and restoration of the harmony of being.

Key words: idea, good, knowledge, logos, cosmos, harmony, being.